

RU

Концепция многообразия видов познания: некоторые теоретические итоги

Мартишина Н. И.

Аннотация. Цель исследования – актуализировать в научном дискурсе концепцию многообразия видов познания на основе обзора как уже реализованных, так и перспективных направлений ее разработки в отечественной философской литературе. В статье выделены ключевые положения указанной концепции, определившие возможности ее использования в качестве исследовательской программы. Научная новизна состоит в систематизации тематических направлений и результатов развития концепции и обосновании вывода о завершении первого этапа ее развития. В результате установлено, что концепция многообразия видов познания потенциально выступает в гносеологии идей парадигмального уровня, задающей новый ракурс рассмотрения познания в концептуальном и операциональном аспектах.

EN

The concept of diversity of types of cognition: some theoretical results

N. I. Martyshina

Abstract. The aim of the study is to update the concept of the diversity of types of cognition in scientific discourse by reviewing both existing and promising areas of its development in Russian philosophical literature. The article highlights key aspects of this concept, which form the basis for its use as a research program, and demonstrates the possibility of its practice-oriented integration into the educational process. The scientific novelty lies in the systematization of the thematic areas and results of the concept's development, the substantiation of the conclusion about the completion of the first stage of this development. As a result, it has been established that the concept of the diversity of types of cognition potentially serves as a paradigmatic idea in epistemology, providing a new perspective for examining cognition in its conceptual and operational aspects.

Введение

Актуальность исследования. Концепция многообразия видов познания присутствует в тематическом пространстве отечественной философии начиная с 1990-х гг. По-видимому, отправной точкой ее утверждения в отечественной теории познания стала публикация монографии В. П. Филатова «Научное познание и мир человека», программным положением которой был тезис о том, что «современная гносеология как целостное учение о познании должна включать в себя достаточно богатую феноменологию знания» (1989, с. 13-14), а затем – подготовленных в Институте философии РАН сборников «Знание за пределами науки» (1990) и «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания» (1990), где начала этой феноменологии были представлены, познавательные феномены, требующие включения в рассмотрение (например, практическое знание) названы, а привычная идентификация всякого объективного и достоверного знания как научного и «обычай представлять в виде случайных отклонений все иные формы и виды знания, которые не укладывались в жесткие каноны научности» (Касавин, 1990, с. 10) подвергнуты критике. Исследовательской программой, предложенной на основе этой концепции, стало, таким образом, изучение познания как спектра разнообразных, параллельно осуществляемых, специфических и несводимых друг к другу стратегий деятельности, в противоположность традиционному иерархическому представлению о движении совокупного познавательного процесса от обыденного познания, путем его усовершенствования, к научному.

За прошедшие десятилетия концепция многообразия видов познания неоднократно и декларировалась, и действительно использовалась для развития теории познания, обосновываясь направленностью на построение

реалистической картины познавательной деятельности. В настоящее время уже можно подвести некоторые итоги, оценив, какие из первоначально заявленных положений в ее составе получили концептуальное развитие, а какие, возможно, оказались менее эффективными. Кроме того, завершен, по-видимому, первый цикл исследований на ее основе: наиболее очевидные тематические направления, непосредственно вытекающие из исходной идеи, так или иначе к данному моменту реализованы. Для дальнейшего развития теории представляется целесообразным систематизировать состоявшиеся наработки и зафиксировать возможные точки роста для следующего этапа. На это и направлена данная статья; соответственно в ней поставлены следующие задачи:

- выявление ключевых положений концепции многообразия видов познания, представленных в ее начальном варианте и образовавших базовую исследовательскую программу;
- обзор основных направлений разработки данной программы, сформировавшихся в исследовательской практике, с указанием главных теоретических результатов по каждому направлению;
- определение направлений, получивших преимущественное развитие, т. е. таких, для которых исследовательская программа оказалась эффективной;
- определение перспектив дальнейшего использования концепции в теоретическом и практическом плане.

Наиболее общей методологией исследования является диалектика, поскольку автор стремился к рассмотрению концепции в развитии и взаимосвязи выделенных внутри нее направлений. В статье проведена логическая экспликация опорных точек содержания концепции многообразия видов познания и осуществлена теоретическая реконструкция гносеологических описаний видов познания с позиций построенной на данной концепции исследовательской программы. Для оценки результативности программы применялся сравнительный анализ.

В обзор включены работы, посвященные типологии и характеристике видов познания, опубликованные после 1991 г. (который принят за отправную точку) на русском языке. (Более ранние издания названы там, где по ним фиксируется предшествующее применению исследовательской программы состояние проблемы.) Рассматривались источники, в которых акцентировалось (в соответствии с основной идеей концепции) *лого-гносеологическое* описание способов познания, в отличие от социокультурных аспектов. Обзор носит аналитический характер: автор стремился не к выявлению всего круга источников, так или иначе затрагивающих каждое из обозначенных направлений, а к определению основных результатов применения исследовательской программы, поэтому в ряде случаев конкретные публикации приведены в качестве примеров и не исчерпывают весь список работ, выполненных в данном ключе.

Теоретическую основу исследования, кроме названных выше и далее источников, развивающих рассматриваемую концепцию, составляют науковедческие категории парадигмы и исследовательской программы, поскольку концепция оценивается как имеющая парадигмальный уровень и выполняющая функцию исследовательской программы. Обе указанные категории используются в принятых значениях: парадигма – как «научное достижение, которое в течение некоторого времени признается определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» (Кун, 1998, с. 28), исследовательская программа – как «свод правил и установок, которые используются для построения конкретных научных концепций» (Лакатос, 1978, с. 204); предполагается, что исследовательская программа формируется на основе парадигмы.

Обсуждение и результаты

Исходной идеей концепции многообразия видов познания было рассмотрение различных феноменов духовной деятельности – например, искусства, религии, морали – как познавательных или, по крайней мере, имеющих познавательную составляющую: признавалось, что они не только регулируют соответствующие области деятельности, но и выступают системами получения и обработки сведений (в том числе достоверных и эффективных) о действительности. Как проявления знания рассматривались «не только истинное научное знание, но и заблуждения, фантазии, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения... Ибо эти феномены формируют определенную картину мира, в которой живет человек, свидетельствуют об уровне освоения им реальности, о характере практикуемой деятельности и общения. Они, тем самым, позволяют человеку достигать функциональной регулярности в окружающем мире, являются формой его встроенности в мир, а потому и по-своему коррелируют с этим миром, говорят о нем – с той или иной степенью соответствия» (Касавин, 2017, с. 11). При этом подчеркивалось относительное равноправие всех вариаций на тему знания: если не все они с одинаковой частотой приводят к истине, то, во всяком случае, ни одна из них не является сферой исключительно ложных идей (иначе в общей эволюции познания она утратила бы свое значение и исчезла); соответственно считалось необходимым «признание за этим огромным и ценным массивом человеческого опыта статуса нормального знания» (Касавин, 1990, с. 12). Этот взгляд осознанно противопоставлялся, в частности, стереотипному сциентизму, квалифицирующему всякое истинное, обоснованное, развитое, рациональное, практически полезное знание как научное; подчеркивалось, что это новая парадигма философской теории познания, соответствующая современным реалиям: направлением перестройки философии для соответствия вызовам эпохи должны стать «переоценка фундаментализма, признание многомерного образа реальности, а также неустранимой множественности отношений и “точек зрения”, отношения дополнительности и взаимодействия между ними» (Микешина, 2002, с. 53).

Концепция *видов познания* в период становления разграничивалась с привычным на тот момент учением о *формах общественного сознания*, где тоже выделялись сферы науки, религии, мифологии, искусства

и нравственности, т. е. внешне типологии частично совпадали. Тем не менее основание разграничения видов познания в утверждавшейся концепции было существенно иным: если формы сознания соотносились со сферами социального бытия как предметом отражения и характеризовались прежде всего через различающееся содержание, то спецификация видов познания связывалась в первую очередь с логико-гносеологическими характеристиками, принятыми и предпочитаемыми в них способами получения, обработки и хранения информации (например: мифологическое познание ассоциативно и синкретично, религиозное познание основывается на вере как внелогическом принятии базовых идей, художественное познание раскрывает типичное через единичное). Иными словами, с самого начала виды познания рассматривались как специфические комплексы познавательных средств и инструментов, взаимодополнительные в том смысле, что они отражают одни и те же объекты (потенциально каждый вид познания направлен на мир в целом), но существенно разными способами. Именно поэтому среди форм общественного сознания выделялись политическое, правовое, впоследствии – экономическое сознание, а среди видов познания они, как правило, не назывались.

Следующим шагом в развитии идеи параллельного присутствия и функционирования в совокупной познавательной деятельности различных логических систем вполне ожидаемо стало изучение вопроса о том, какие виды познания могут быть выделены в целом, и описание выделяемых видов. В первоначальных (далеко не всегда систематизированных и основанных на понятных классификационных принципах) перечнях фигурировали обыденное и повседневное, практическое и духовно-практическое, мифологическое, религиозное, мистическое, художественное (художественно-эстетическое), научное, философское, нравственное познание, а также магия, народная наука, паранаука, псевдонаука, девиантная наука. Этот список в дальнейшем трансформировался – по некоторым названным в нем феноменам быстро сформировались самостоятельные традиции изучения, другие объединялись для рассмотрения в каких-то комбинациях (например, магическое познание фактически было поглощено исследованиями мифологического, а мистическое – религиозным), третьи (как нравственное познание), формально сохраняя присутствие в списке, остались на периферии исследовательского интереса. Представляется, что это не случайно – на самом деле лишь часть указанных феноменов обладала достаточной познавательной (именно познавательной) спецификой, чтобы оказалось возможным выявление их значимых, отличительных и образующих единый комплекс логико-гносеологических характеристик. Иными словами, в практике исследований произошел отбор тех когнитивных практик, которые действительно представляют собой самостоятельные виды познания, в силу чего на данный момент в основном определился результирующий их перечень, который и будет представлен далее.

Обыденное познание изучалось в философии и до утверждения концепции многообразия видов познания (Пукшанский, 1987), но с 2000-х гг. началось не только количественное увеличение посвященных ему исследований (Зверева, 2014; Колмакова, 2015; Чернякова, 2016; Дождикова, 2010; 2016), но и изменение их направленности, безусловно, связанное с новой познавательной установкой – рассматривать его не только как антипод научного и путем указания на черты, которыми оно, в сравнении с наукой, не обладает, а как особый тип познавательного освоения повседневности, незаменимый на своем месте. По существу, здесь можно увидеть стандартное проявление смены парадигмы, описанное как эффект «переключения гештальта» («те линии, которые складывались в изображение утки, теперь складываются в кролика»): известные факты предстают в новом свете, получают новую интерпретацию, и это открывает новое пространство исследований; такой подход позволил выявить собственные логико-гносеологические характеристики обыденного познания.

Несомненно, значимым результатом разработки данного направления стало выделение в особый вид *практического познания*. Эту позицию обозначил, в частности, М. Т. Андрюшенко, зафиксировавший существование «не одного, а, по крайней мере, двух типов донаучного познания. Первый – обыденный – связан ... с бытом. Второй – выходящий за пределы быта – связан с собственно практикой» (Андрюшенко, 2001, с. 43); под практикой здесь подразумевалась специализированная, в том числе профессиональная, деятельность, в рамках которой вырабатывается обеспечивающее ее знание, в отличие от обыденного не являющееся общераспространенным. В. Ф. Юлов, поясняя эту идею, также разграничил «две формы практического познания ... – здравый смысл, или обыденное познание, и профессиональный опыт: опыт рабочего-станочника, опыт повара, опыт врача, военное искусство и многое другое» (2016, с. 5). Данная идея, безусловно, содержательно оправдана с точки зрения концепции многообразия, поскольку такое специализированное практическое познание имеет отличные от обыденного познания источники, логику построения, формы обобщения и систематизации информации, процедуры обоснования и сферу применения. Наиболее полно эти характеристики практического познания были систематизированы С. П. Щавелевым, также руководствовавшимся гносеологическими установками концепции многообразия, давшими ему возможность заключить: «Когнитивное обеспечение практики представляет собой столь же многомерный и важный феномен, как и традиционно выделяемые направления духовного творчества, как наука, философия или искусство» (2010, с. 165). Разграничение практически-духовного и духовно-практического познания, первоначально упоминавшееся (Касавин, 1990), в данном направлении особого развития не получило, хотя определенные различия между этими вариантами существуют, но, возможно, это задача следующего этапа.

Среди обширного поля исследований *мифологии* концепция многообразия способствовала оформлению логической линии, рассматривавшей миф как «преимущественно эпистемический феномен», «прежде всего форму знания» (Найдыш, 2022). Одним из возобновляющихся затруднений современных теорий мифа является необходимость корректировки постоянного соскальзывания аудитории к расширительной трактовке,

определяющей миф как форму ложного сознания, вымысла, искаженного отражения реальности и соответственно склонной называть мифом любую ошибочную идею, спонтанно или целенаправленно распространяющуюся в обществе. Концепция многообразия видов познания естественным образом задает альтернативный взгляд на миф как на один из закономерно возникающих и устойчивых вариантов познавательного освоения мира, обладающий самостоятельным потенциалом в решении познавательных задач. Эта линия также уже существовала в теоретических исследованиях мифологии (Голосовкер, 1987; Пивоев, 1991), но выглядела периферийной по сравнению с изучением социальных и культурных функций мифа. Концепция многообразия придала этому направлению исследований новый импульс (в связи с чем хотелось бы отметить произошедшую концентрацию данного круга разработок вокруг ежегодной Международной конференции «Миф в истории, политике, культуре» и издаваемого на ее основе журнала «Мифологос»). В результате были: сформировано обоснование статуса мифа как особой формы познания (Дрянных, 2018; Глушак, 2019), зафиксированы основные черты «матрицы мифологического мышления» (Найдыш, 2019; Найдыш, 2022), выделены специфические для мифа логические приемы (Шрейбер, 2019; Мартишина, 2023), проведено сопоставление мифологического познания с другими видами (Ильянович, 2022), определены когнитивные функции мифа (Куликова, 2018; Ставицкий, 2022). Также именно эта исследовательская программа позволила адекватно определить понятие современного мифа: это осмысление по мифологическим канонам и в мифологической логике новых объектов и идей культуры. Поскольку в числе специфических черт мифа постоянно указывалось на использование магического мышления (по Дж. Фрэзеру (1983, с. 56), магия – это прикладная мифология, практика, основанная на «теории» об антропоморфной сущности явлений окружающего мира), магия перестала выделяться как особый способ познания и фактически была включена в границы мифологического познания.

Также использование концепции многообразия видов познания в качестве исследовательской программы привело к формированию гносеологического подхода в рамках философских исследований религии (где доминирующими традиционно были проблемы социального бытия религии, ее предпосылок и функций в культуре и различных форм проявления религиозности). Лишь намеченная первоначально логико-методологическая характеристика *религиозного познания* (Лобовик, 1986) была развита в 2010-х гг. авторами, которые обосновывали наличие гносеологической (а не только содержательной, связанной с основополагающими идеями) специфики религии, принимая как данность, что «в каждой форме постижения бытия могут разрабатываться и применяться своя логика концептуализации знания, а также правила и принципы преобразования и выведения новых знаний» (Хмелевская, 2018, с. 278), и раскрывая составляющие этой специфики – значимость веры как основы построения концептуальной системы (Пивоваров, 2014), символизм, трансцендирование (Казеннова, 2008), использование интроспекции и внутреннего опыта в качестве аналога воспроизводимого эксперимента (Горелов, Горелова, 2010), интенцию к мистицизму (Шугуров, Мозжилин, 2023). Хотелось бы особо отметить разработки М. И. Билалова, который, также исходя из нормативного для принятой парадигмы признания религии «важнейшим способом познавательной активности человека», в ходе анализа «религиозного варианта постижения истины» (2017, с. 20) обосновал вывод о том, что сама процедура обоснования, проверки знания, использования гносеологических инструментов разграничения истинного и ложного первоначально сформировалась в религиозной сфере. В силу значимости для религии мистического опыта именно в данном тематическом поле получило развитие понятие мистического познания, хотя теоретически указывалось на его отделимость от религии (Шохин, 2018). Эффективность рассматриваемой исследовательской программы в данной области дополнительно подтверждается тем обстоятельством, что в указанный период было защищено несколько диссертаций на ее основе: «Религиозное сознание и его гносеологический потенциал» (Воропаева, 2008), «Религиозное познание как форма осмысления бытия: опыт гносеологического анализа» (Юшков, 2010), «Познавательная специфика богословского сообщества» (Федосеева, 2016). К. М. Юшков справедливо отметил в своей работе, что представление о «гносеологической автономности религиозного познания» фактически перестало дискутироваться и стало общепринятым (что является одним из признаков парадигмальности).

Выделение *художественного познания* опиралось в отечественной философии на прочный фундамент теоретической эстетики 1960-х гг., в рамках которой изначально была выделена познавательная функция искусства, заключающаяся в способности художественных произведений отражать действительность, накапливать знания о мире и транслировать их через систему художественных образов (Каган, 1966). И. Я. Лойфман (1987), развивая концепцию художественного образа как одной из разновидностей гносеологических образов, указывал, что художественный образ выполняет все основные познавательные функции: описание, обобщение, выявление тенденций и закономерностей, переход от явления к сущности, объяснение и прогнозирование. Поэтому представляется возможным отметить прежде всего огромный пласт исследований – литературоведческих, искусствоведческих, философских, – где категория художественного познания используется как инструмент анализа, позволяя авторам акцентировать внимание на фундаментальных идеях, раскрывающихся в художественных произведениях (Нефедова, 2025), и рассматривать, как посредством искусства осуществляется «осмысление налично данной картины мира» (Кульбижеков, 2019, с. 166). Тема специфических логико-гносеологических характеристик художественного познания также получила свое развитие: в их числе были отмечены и содержательно раскрыты как наиболее значимые оперирование образами (Медведев, Шаров, 2019), эмоциональная нагруженность (Калабухова, 2016), ценностный характер (Агафонова, 2012), смысловая множественность (Потоцкий, 2022) и др. (названы в качестве примеров лишь немногие из большого количества источников). Один из наиболее разработанных вариантов систематизации этих характеристик предложен в статье Е. А. Мальцевой «Художественный образ как форма познания» (2019), впоследствии

легшей в основу диссертации этого автора; здесь в качестве свойств художественного познания названы индизказательность и метафоричность, полифоничность, экспрессивность, условность, самодостаточность, субъективность. Диссертационные исследования, посвященные художественному познанию, также выполнялись на протяжении всего периода (Архангельская, 1977; Калинин, 1991). Как и в предыдущих случаях, в рамках этого направления авторы прямо указывают на связь своих разработок с исследовательской программой, замечая, что только благодаря утверждению новой парадигмы «возникла ситуация, при которой стало возможным говорить о наличии в культуре различных способов осуществления познавательной деятельности, одним из которых может выступать художественное познание» (Сорокина, 2009, с. 182-183). Примечательно также, что, как справедливо отмечает Д. А. Техов (2025, с. 339), концепт «художественное познание» является преимущественно отечественной разработкой: будучи широко представленным и активно используемым российскими авторами, причем разных эпох, он практически отсутствует в англоязычной литературе.

На исследования *научного познания* рассматриваемая концепция, казалось бы, повлияла в наименьшей степени, поскольку наука и до этого трактовалась как особый, наделенный специфическими чертами вид познания (определение которых и составляло основное содержание проблемы критериев научности (Ильин, 1989)). Тем не менее и в этом случае парадигма многообразия оказалась эффективной: освобождение науки от стереотипного ее отождествления со всяким истинным, достоверным, обоснованным, вообще «хорошим» знанием способствовало уточнению границ науки, более строгому ее определению и объективному, а не оценочному решению проблемы демаркации науки и вненаучного знания. Одним из результатов применения основанной на данной парадигме исследовательской программы стало следующее категориальное уточнение: если на первом этапе такие феномены, как паранаука, псевдонаука, девиантная наука, народная наука, перечислялись в общем ряду с другими видами познания (кстати, этот подход в итоге законсервировался в «Википедии», где так и построена статья «Вненаучное знание»), то анализ их логико-гносеологических характеристик привел к пониманию того, что это все-таки не однопорядковое с остальными деление и целесообразнее рассмотреть их как более или менее единый тип знания, который уже внутри подразделяется на разновидности (Конопкин, 2009; Мартишина, 2013). Возможно, подходящим объединяющим термином для обозначения этого типа будет «околонаучное знание», по отношению к которому паранаука, псевдонаука, лженаука, антинаука, народная наука, девиантная наука являются подчиненными. Специфика околонаучного знания в целом может быть определена следующим образом: его характеризует ориентация на научные способы и средства интеллектуальной деятельности, критерии научности, но доступные ему формы реализации последних не отвечают нормам науки (например, используется научная терминология, но она подвергается произвольному истолкованию, или эксперимент происходит без следования протоколу); в отличие от него, в других видах познания изначально приоритетными являются иные логико-гносеологические средства и процедуры.

Наконец, в характеристике *философского познания* концепция многообразия поддерживает несциентистскую трактовку философии, согласно которой она не является наукой (но, возможно, представляет собой знание высшего по отношению к науке уровня (Никифоров, 2001; Макухин, 2005)). С точки зрения этого подхода философия изначально создавалась для решения задач, выходящих за пределы возможностей науки, и вполне закономерно, что она использует наряду с гносеологическими средствами науки также иные логико-методологические приемы (например, интеллектуальную саморефлексию).

Представляется, что это и есть более или менее полный список видов познания, сформированный не умозрительными построениями, а реальной исследовательской практикой: для некоторых феноменов, за которыми первоначально предполагался статус самостоятельных видов познания, удалось определить реальные и общие логико-гносеологические особенности, для некоторых это не получилось без существенных теоретических натяжек. Последнее произошло, в частности, с *нравственным (моральным) познанием*: нравственные нормы на первом этапе назывались как самостоятельный тип знания (Касавин, 1990; Лойфман, 1987), термин «моральное познание» использовался в прикладных исследованиях (Ненашева, 2013; Наровецкий, 2019), но обобщающих работ с последовательным выделением специфических характеристик этого вида познания не появилось. И это, в общем-то, логично: перечисленные выше виды познания направлены, так или иначе, на мир в целом, их спецификация основана на вопросе о том, как изучается действительность, тогда как применение морального познания объективно ограничено антропной сферой, т. е. оно выделяется указанием на то, что изучается, и логико-гносеологическая специфика оказывается менее значимой и очевидной.

Итак, представляется в основном завершенным первый и существенный этап разработки концепции многообразия видов познания и определения ее возможностей в качестве исследовательской программы. Можно предположить, что точками ее роста в ближайшее время станут:

1) приведение классификации видов познания к логически оформленному виду, вероятно, с переходом к многоуровневости (как это показано выше для практического и околонаучного знания – на первом этапе определяются основные виды, далее они разделяются на разновидности). Для работ обобщающего характера созданы необходимые основания, они востребованы и, можно надеяться, появятся в ближайшей перспективе;

2) уточнение терминологии. В настоящее время выделяемые способы познания без особой рефлексии обозначают как уровни, формы, типы, виды; первые попытки привести эти термины к единству были фактически их отождествлением: «Под указанными формами можно понимать описанные выше типы (а также некоторые виды) познания и освоения действительности» (Афанасьев, 2013, с. 42). Но такое отождествление не всегда эффективно; многоуровневая классификация потребует и концептуальных средств оформления. Вероятно, интуитивно приемлемой стала бы привычная по биологической классификации иерархия,

в которой тип является более широкой, а вид – подчиненной ему категорией. Также возможно формирование уровневой типологии, по аналогии с используемой в описании мировоззрения, где обыденное и философское мировоззрение рассматриваются как уровни, а по содержательным основаниям выделяются виды мировоззрения – мифологическое, религиозное, научное, причем считается, что мифологическое мировоззрение является по преимуществу обыденным, но содержит некоторые идеи философского уровня, религиозное может быть как обыденным, так и философским, научное тяготеет к философскому, но может включать обыденные идеи. Сочетание вертикального и горизонтального структурирования также может стать основой классификации видов познания;

3) продвижение концепции в исследовательскую практику и образование. Можно констатировать, что, хотя на уровне декларации общих принципов концепция многообразия видов познания уже практически не встречает возражений, в прикладных исследованиях, например, историко-научных, по-прежнему распространены более традиционные основания рассмотрения, в частности, объявление научными всех идей, которые признаются правильными и полезными («древние египтяне располагали научными знаниями в области строительной механики, иначе они не построили бы пирамиды»). Действительным утверждением концепции был бы массовый переход к столь же естественному взгляду на познание с ее позиций за пределами сферы обсуждения самой концепции. Для этого, по-видимому, потребуется распространение опыта применения данной позиции к анализу познавательной деятельности, в том числе в преподавании гносеологических дисциплин.

Заключение

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что концепция многообразия видов познания действительно стала в отечественной философии подходом парадигмального уровня, существенно изменив ракурс рассмотрения большинства составляющих познавательной деятельности. Процесс познания предстает в рамках данной концепции как совокупность несводимых друг к другу познавательных стратегий, каждая из которых имеет свою область применения; то, что эти области перекрываются, делает совокупное познание на порядок более богатым. Идея многообразия видов познания меняет понимание субъекта познания и субъект-объектных отношений, типологию методов познания, трактовку истины и другие неочевидно связанные с ней тематизации теории познания. На основе концепции фактически сформировалась исследовательская программа, определившая спектр и способы прикладных исследований; при этом отчетливо выделяется теоретическое ядро программы и расширяющаяся зона ее разработки. Продолжающееся формирование категориального аппарата и тематического пространства исследований и поиск адекватных форм эмпирической интерпретации являются стандартными процессами развертывания парадигмы. Поскольку исследовательская программа позволяет инициировать новые направления разработки, с науковедческой точки зрения на данном этапе она может быть оценена как восходящая. Таким образом, рассматриваемая идея достигла базового уровня теоретической зрелости, и можно прогнозировать дальнейший рост исследований в данной области, несомненно, способствующей формированию реалистичной картины познания в современном мире.

Источники | References

1. Агафонова О. В. Художественное познание и творчество в контексте конструктивного реализма // Научно-технические ведомости СПбГУ: гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2.
2. Андрищенко М. Т. Очерки по теории познания. Владимир: Изд-во ВГУ, 2001. Ч. 1.
3. Архангельская А. С. Взаимодействие научного и художественного познания: некоторые аспекты сравнительного анализа: дисс. ... к. филос. н. М., 1977.
4. Афанасьев Т. Ю. Познание и его классификации по типам и видам в современной гносеологии: к построению полной типологии. Часть 2 // Философские науки. 2013. № 1.
5. Биалов М. И. Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2017-8-2-19-27>
6. Воропаева Е. В. Религиозное сознание и его гносеологический потенциал: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2008.
7. Глушак А. С. Изучение мифа: достижения, проблемы, перспективы // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (Севастополь, июнь 2018 года) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.
8. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987.
9. Горелов А. А., Горелова Т. А. Сравнительный анализ научного и религиозного способов познания // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4.
10. Дождикова Р. Н. Обыденное познание и его особенности // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 2.
11. Дождикова Р. Н. Обыденное познание: структура и пути формирования // Социология. 2016. № 2.
12. Дрянных Н. В. Миф как специфическая форма рационального познания // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (Севастополь, ноябрь 2017 года) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018.

13. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
14. Зверева Ю. Ю. Композиционная специфика обыденного познания // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 1 (15).
15. Знание за пределами науки / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во ИФ РАН, 1990.
16. Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989.
17. Ильянович Е. Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1.
18. Каган М. С. Познание и оценка в искусстве // Проблема ценности в философии: сборник статей. М.: Наука, 1966.
19. Казеннова О. И. Религиозный тип познания в философии Н. А. Бердяева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 80.
20. Калабухова Е. В. Изобразительное искусство как средство познания мира: научное и художественное обобщение // Культурная жизнь юга России. 2016. № 4 (63).
21. Калинин А. Т. Методологический анализ художественного познания: дисс. ... д. филос. н. М., 1991.
22. Касавин И. Т. Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4.
23. Касавин И. Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
24. Колмакова Е. А. Рациональность обыденного познания: здравый смысл и рассудок // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6.
25. Конопкин А. М. Особенности структурирования околонаучного знания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11).
26. Куликова О. Б. Наука, миф и философия как способы миропознания: традиции и альтернативы // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (г. Севастополь, ноябрь 2017 года) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018.
27. Кульбижеков В. Н. Аудиальное мышление в структуре художественного познания // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.29>
28. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
29. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки: сборник. М.: Прогресс, 1978.
30. Лобовик Б. А. Религиозное сознание и его особенности. К.: Наукова думка, 1986.
31. Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987.
32. Макухин П. Г. Самоопределение философии в отношении к науке: дисс. ... к. филос. н. Омск, 2005.
33. Мальцева Е. А. Художественный образ как форма познания // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4 (32). <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-2-4-48-57>
34. Мартишина Н. И. Логические маркеры околонаучного знания // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 4 (18).
35. Мартишина Н. И. Мифологизация как способ познавательного освоения объекта // Мифологос. 2023. № 1.
36. Медведев Л. Г., Шаров А. С. Художественное познание в процессе подготовки к профессиональной изобразительной деятельности // Вестник Омского государственного педагогического университета: Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22).
37. Микешина Л. А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
38. Найдыш В. М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1.
39. Найдыш О. В. Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (г. Севастополь, июнь 2019 года) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.
40. Наровецкий М. А. Теория морального познания К. С. Льюиса // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 3.
41. Ненашева О. В. Моральное мышление учителя в контексте типологии мышления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2.
42. Нефедова Л. К. Гносеология и герменевтика онтологического вопрошания в метафоре «трава» У. Уитмена // Вестник Омского государственного педагогического университета: Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48).
43. Никифоров А. Л. Природа философии. М.: Идея-Пресс, 2001.
44. Пивоваров Д. В. Философская вера и веровательные тенденции в философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 4 (28).
45. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991.
46. Потоцкий А. А. Герменевтика и методология художественного познания // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2022. № 2 (263). <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2022-263-2-90-93>
47. Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.

48. Сорокина Н. В. Проблема интерсубъективности в художественном познании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2.
49. Ставицкий А. В. Миф и его основные функции в свете общей теории мифа // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». 2022. № 2.
50. Техов Д. А. К истокам связи научного и художественного познания в советской философской мысли // Идеи и идеалы. 2025. Т. 17. № 4-2. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.4.2-337-352>
51. Федосеева Е. Ю. Познавательная специфика богословского сообщества: дисс. ... к. филос. н. Ульяновск, 2016.
52. Филатов В. П. Научное познание и мир человека. М.: Политиздат, 1989.
53. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983.
54. Хмелевская С. А. Логика имажинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки. 2018. № 2.
55. Чернякова Н. С. Обыденное и мифологическое познание как формы практически-духовного освоения мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69).
56. Шохин В. К. Определения мистического: первый опыт экспозиции // Философия религии: аналитические исследования. 2018. № 1.
57. Шрейбер В. К. До смешного короткий эскиз особенностей мифологического мировоззрения // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (г. Севастополь, июнь 2019 года) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.
58. Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Религиозная мистика и психология религии: к вопросу о пределах редукции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. № 13 (3).
59. Шавелев С. П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы: сборник. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010.
60. Юлов В. Ф. Перспективы развития интегративной теории познания // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2.
61. Юшков К. М. Религиозное познание как форма осмысления бытия: опыт гносеологического анализа: дисс. ... к. филос. н. Магнитогорск, 2010.

Информация об авторах | Author information



Мартишина Наталья Ивановна¹, д. филос. н., проф.

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск



Natalia Ivanovna Martyshina¹, Dr

¹ Siberian Transport University, Novosibirsk

¹ nmartishina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.07.2026; опубликовано online (published online): 25.08.2026.

Ключевые слова (keywords): виды познания; научное и вненаучное знание; мифологическое познание; современная мифология; религиозное познание; types of knowledge; scientific and non-scientific knowledge; mythological knowledge; contemporary mythology; religious knowledge.